

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 31

1990

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

Б И Б Л И О Т Е К А « О Г О Н Е К » № 31

Издается с января 1925 года

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА».
1990

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

Кублановский Юрий Михайлович родился в 1947 году в Рыбинске. В 1970 году окончил искусствоведческое отделение МГУ. Работал экскурсоводом на Соловках, в Кирилло-Белозерском заповеднике, в музее имени Тютчева в Муранове. После того как в 1975 году выступил в самиздате с открытым письмом «Ко всем нам», работать по специальности уже не имел возможности и вплоть до вынужденной эмиграции служил сторожем, дворником, истопником в храмах Москвы и Подмосковья.

В 1979 году принял участие в альманахе «Метрополь». В 1981 году в американском издательстве «Ардис» опубликована первая книга Ю. Кублановского «Избранное», составленная Иосифом Бродским. С 1983 года Кублановский живет в Париже, где вышло еще три лирических сборника поэта. Ю. Кублановский — член редколлегии и составитель литературного раздела старейшего журнала русского зарубежья «Вестник Русского Христианского Движения» (Париж).

С 1989 года стихи Кублановского стали широко публиковаться на родине («Огонек», «Знамя», «Дружба народов», «Новый мир», «Юность», «Волга» и др.).

Этот сборник — первая книга Ю. Кублановского, выходящая в нашей стране.

I

* * *

Россия, ты моя!

И дождь сродни потопу,
и ветер, в октябре сжигающий листья...
В завшивленный барак, в распутную Европу
мы унесем мечту о том, какая ты.

Чужим не понята. Оболгана своими
в чреде глухих годин.
Как солнце плавкое в закатном смуглом дыме
бурьяна и руин,

вот-вот погаснешь ты.

И кто тогда поверит
слезам твоих кликуш?
Слепые, как кроты, на ощупь выйдут в двери
останки наших душ.

...Россия, это ты
на папертях кричала,
когда из алтарей сынов везли в Кресты.
В края, куда звезда лучом не доставала,
они ушли с мечтой о том, какая ты.

1978

* * *

Для московских ребят заготовлена властью присяга,
да не знает никто, где припрятана эта бумага.
Но не даром в испуге тетради разбухли, тонки,
и ночных папиросок в квартирах снуют колонки.

В глубине этажей
натянулись упругие сети,
потому шепотком окликаем подруг на рассвете,
погорельцами бродим тишком по арбатской золе,
и пустые бутылки, как кегли, гремят на столе.
У московских ребят
прилетевшие с Севера книги
и патиной покрытая соль соловецкой вериги,
а крещенные в тридцать повесили крестик на грудь.
Так давайте скорей собираться в таинственный путь.
У пяти пристаней
укрепляются прочные снасти,
чтобы в их полотне трепетало упруго ненастье,
чтобы в трюмах столицы, не жалуясь на тесноту,
уносились душа
по блаженным волнам
в пустоту.

1976

ВСТРЕЧА

Б. Михайлову

Когда в миллионной гидре дня
узнаю по биению сердца
в ответ узнавшего меня
молчальника-единоверца,

ничем ему не покажу,
что рад и верен нашей встрече,
губами только задрожу
да поскорей ссутуюлю плечи...

Не потому, что я боюсь:
вдруг этим что-нибудь нарушу?
А потому, что я вернусь
и обрету родную душу.

Не зря Всевышнего рука
кладет клеймо на нас, убогих:
есть нити, тайные пока,
уже связующие многих.

1976

...На шипастые кроны уселись грачи.
Боровицкий кирпич голубеет в ночи.
Перекрестки — сычи.

Тишину заушающий скрежет и свист,
свежевымытой станции гипсовый лист,
жухлый мрамор скалист.

Задремал пассажир, точно хочет сказать:
«Скоро горе ты ложками будешь черпать,
в страхе руки сжимать».

Потаенная воля! Чужая судьба!
Пустотелых вагонов гремят короба.
Чу, гремят короба.

Полно, братец, шутить.
Поднимаю лицо.
С радиальной маньяком бегу на кольцо.
Мне-то что, я сегодня опять в барыше —
полчаса, и считай, что я дома уже.

12.III.1977

ЭЛЕГИЯ

Мерещится, я не один брожу
по этим сумеркам — с тобою.
То что-нибудь тебе скажу,
то утаю, солгу, сокрою.
Столь ясно помнятся и стать твоя, и прыть,
любая ипостась и складка,
что лгать не совестно и правду говорить
тебе, единственная, сладко.
Кривую улицу, покрытый снегом храм,
где воронье обсело крышу,

я не один, а пополам
с тобою чувствую и вижу.
И что мне до того, что там, где ты, — июль,
а тут воротники да шубы?
Запылю ли горькую, умру ли, оживу ль,
все так же радуют глаза твои и губы.
Все так же радуют... Но нет, еще сильнее,
зане не гаснут, не твердеют.
И волосы твои еще рыжей
на полотне подушки тлеют.
Чего ж... Благодарю, что ласкова с чужим,
ты лучшие часы крадешь для нас, воровка.
Да мне и так легко! Да я смеюсь над ним!
И не скучна моя зимовка.

1976

ЛЕСНИК

*Мы сегодня от счастья в слезах,
как апостол, прозревший в Дамаске,
так что радужный воздух в глазах
уподобился детской гримаске.*

1

В соломенной шторе мерцают полосы,
мерещатся вещи сквозь сумрак и тишь,
и я уже выкурил треть папироски...
А ты, драгоценная, дышишь и спишь.

Ах, я недостоин такого подарка!
Я знаю лицо твое, губы, плечо.
Я знаю, где холодно, знаю, где жарко,
где сразу и холодно, и горячо.

Проснись, мы натопим огромную печку,
на наших глазах испаряется чай.
Мороз заковал свою бедную речку,
метель навалила сугроб невзначай.

Вот наша округа с ее околотком,
с холодной скорлупкой, горячим ядром...
Румяный лесник с золотой бородкой
проехал в санях перед нашим окном.

Румяный лесник с золотою бородкой,
к тому же — в фуражке с зеленой бархоткой
проехал...

И сердце забилось сильней.
Куда он направился? Верно, за водкой!
Я б тоже, любимая, выпил с охоткой,
да где ее взять, не имея саней?

Вот если бы было немного поближе...
А впрочем, в груди моей хватит огня:
давай-ка я встану на финские лыжи,
а ты, зарыдав, перекрестишь меня.

По древнему лесу, по веткам в овраге,
затем чтоб запомнить уже на века
замерзший замок на стеклянном сельмаге
и странно блуждающий взгляд лесника.

1974

* * *

То реквиемом, то Осанной
ночной переполнен массив,
с живительной манной
кутейное брашно разбив.
В лесных голубятнях
под сойками ветер упруг —
им помнить о братьях,
ручных сизарях недосуг.

Но веки смыкая
при лампе, коптящей в метель,
ты помнишь — к а к а я
тебя принимала купель.
Какой иорданью
омыта с мизинца до лба,
когда к отпеванью
судьбу обряжала судьба.

Считай, что колодник,
простившийся с домом родным,
на дне, как народник,
смеюсь над испугом твоим
и символом веры,
в котором слова-сургучи.
Но сердце от меры
все глубже таится в ночи.

Пусть снова забродит
дыханье твое на виске
моем, где проходит
глазная морщина в тоске.
Мы долго мотали
клубок, раскрутившийся в путь,
пока не упали
бессильно друг другу на грудь.

28.II.1982

* * *

Потемневшая пижма, осенними сроками
невзначай принесенная в дом,
даже в лучшие дни не богатая соками,
спит в кувшине с мышинным душком.
За окном снежнохвойное блестящее месиво,
у породистых галок полны закрома.
Только пижме в угрюмом кувшине не весело,
и жива ли — не знает сама.
И товарка ее, навсегда погребенная
на спрессованном дне снегового холма,
что сказала б она, увидав удивленную
эту нашу, — не знает сама.
... Одиноки твои вечера с перестрелками
великанов алмазных кровей.
Попадая под осыпи снега под белками
с напружиненных лап и ветвей,
редкий гость забредет за каким-нибудь рубликом,
щелкнет в горло небритое, дескать, уважь.
В паз меж Псковскою и Новгородскою республикой
сунешь руку, достанешь, не хочешь, а дашь.

И Господь за твою простоту изначальную
на скобленные доски положит тишком
с золотистой ленточкой свечку венчальную
возле пижмы пожухшей с мышиным душком.

31.I.1982

* * *

Подумать, сколько было вложено
сердечной силы, скорби впрок!

Погребено и обезбожено
и не пускаем на порог.

А сколько слов в слезах повторено
и в каждом взгляде и черте!

Все позабыто, проворонено,
осталось неизвестно где.

...А для чего сугробы таяли,
в пшенице сохли васильки,
цепные псы на даче лаяли,
о стекла бились мотыльки?

Тогда среди сияний выпренных
еще не открывалось нам,
что много званых, мало избранных
и приуроченных к мирам.

И растекаясь вместе с реками,
и забираясь на холмы,
и с солью радужной под веками...
Да разве думали, кумекали,
что всех недолговечней — мы?

1976

СХИЗМА НАШЕЙ ЛЮБВИ

И.

I

Схизма нашей любви и нежна, и сурова:
изумрудный огонь,
с каждой новой зимой обжигающий снова
и глаза, и ладонь.
Как на чайную зелень похожи метели!
Чуден скрип мостовых.
И прогулки по черному саду в апреле,
и ночлег у чужих.

Так идет круговерть високосного года:
счастье, бедность, печаль...
Где в гранитных метро преизбыток народа,
москвиты не видят следов недорода,
никого им не жаль.

10.II.1978

II

...Где призывно зовут, поднимаясь в дорогу,
журавли-вожаки,
где партийцы воруют у всех понемногу
— мы с тобой чужаки.
Кто-то нас туда вызвал и властно направил
твою руку в мою.
Схизму нашей любви октябрь окровавил
в заозерном краю.

Не сказал бы тебе я ответного слова,
да сама помогла,
а не жалобный вопль журавлиного зова.
Нет смелее души, обретаемой с н о в а.
И крестильня светла.

12.II.1978

* * *

Мы будем с тобой перед Богом чисты,
как осени огнепалящей листы,
где спутан узор червоточин
с ледком травянистым обочин.

И глядя из мрака — в Успенскую сень,
мы милости ждем, а не мщенья.
И, может быть, ты только бледная тень
той будущей — после прощенья!
А я уж не кокон, вмещающий ложь,
зимующий в черном стропиле,
а тот, чью ладонь ты с охотой возьмешь
в раскрытой для Чуда могиле.

1978

* * *

I

Черный лебедь сухо шуршит крылом,
окунает клюв в патриарший ил.
Мне сегодня страшно — и поделом.
Не скажу, чтоб сильно тебя любил,
но чего-то медлится на скамье.
В десяти минутах ходьбы — Арбат,
где когда-то пили пиво в фойе
до начала сеанса сестра и брат.
А чего смотрели? По чьей вине?
Не припомню, да и тогда не знал.
Никого вокруг. Лишь откуда не —
известно взявшийся генерал
бычью шею мнет пятерней — озяб,
и идет в ворота к себе домой,
представляя, верно, что там генштаб,
где дурные сводки лежат горой.

.....
Никогда уже в пестроватый ворс
твоего жакета не ткнуться лбом.
На заросший ровной травой откос
вышел лебедь, черным шурша крылом.

14.VIII.1979

II

...Я один пройду меж кусковских пихт
на голландский пруд сквозь сырой туман.

Будет мне о чем расспросить у них
в октябре, топыря вином карман.
Вновь увижу рамы барочной крем
и графини с круглым брюшком халат...
Я сжимал здесь руку Елены М.
лет пятнадцать с лишком тому назад
в год, когда почти пустовал престол,
толковали что-то про новый нэп,
хоть и было видно: король-то гол.
Нет в земле родимой надежных скреп.
Вот и вспомнил — челку, тугой платок
и холщовый крепкий ремень сумы...
Но когда студенческий наш урок
оборвался, редко встречались мы.
А когда и встретимся —
что с того?
Посудачим, не возвращаясь вспять.
Но ведь было что-то у моего
сердца? Кто теперь может знать...

Потому и сутолки похорон
я не видел и не спешу туда,
где в высоких терниях грай ворон
над всего однажды сказавшей «да».

13.VIII.1979

ЦИРК

Клоун ногой загребает опилки,
чем вызывает смешки и ухмылки.
Канатоходец идет бечевой,
крепко от жизни устав кочевой.
В ветхом брезенте залатана дырка
— вот атрибуты проезжего цирка.
Я его в детстве с отцом посещал.
Цирк переехал, а я обнищал.

В пятидесятые жалкие годы
он нам показывал фокус свободы.
Рядом топорщились брючины-клеш
и прикрывающий их макинтош.

Только теперь понимаю глубоко,
как было сиротой тогда и убого:
публика, купол, брезентовый гул...

Я свою жизнь пополам перегнул.

1969

БОБИК

Б. Думешу

Помнится день с колокольной пожарной,
жидкой брусчаткой к реке,
где пароходец, трубою угарною
свистнув, забился в рывке.
Голый базар с пучеглазой копилкою
— глина, папье ли маше?
Нищий с трясущейся жадно поджилкою.
Первые страхи в душе.

К бедного школьника потному вороту
красная лепится мгла.
Медленно ползает фура по городу,
с час — от угла до угла.
...То же и бобик

с вихром неудачника
без ремешка из кирзы —
разве из клетки вонючей собачника
видно клочок бирюзы?

1982

* * *

Твердокаменный грецкий орех,
в сохлой шкурке двойной арахис.
В гримировочной спешка и смех
за хоругвями черных кулис.
В свежесбриту щеку отец
отчуждающе пудру втирал.
Из вагона: «Мужайся, малец!»
— повелительно шляпой махал.

Разучился я в горле катать
ком поддельный, коль хочется есть,
стал забрасывать строки в тетрадь
и ловить их ответную лесть.

Но под колющей крупкой из туч
после приторных взывов валторн
оказалось — один и живуч
неподкупный кладбищенский дерн.
Знает Бог, за какую вину
невесомую ношу нести:
материнское — в спину — «клянун!»
И отцово — на ухо — «прости».

март 1985

**г. Тутасев
(бывш. Романов-Борисоглебск),
на Волге**

I

На отшибе за красным лабазом
тут — в медвежьем углу,
солнце смотрит в мороженым глазом
в голубиную мглу.
Волга вся — ледяные торосы.
На ветру оглянусь.
От мороза в глазах настоящие слезы...
Подневольная Русь!
— где соборные окна, ржавая в железах,
пропускают метель
и тутасевских головорезов
запредельную трель.

II

Отстрелялся Некрасов, бурлацкой ушицы
похлебал на веку.
А теперь что за дичь — воробьи да синицы
в голубином снегу.
Да буксир по весне убегает скорее.
Годовалая власть
о мятеж ярославцев, дуря и совея,
окровавила пасть.

И теперь отдыхает в морозной постели
у крестьянских лачуг.
Не разбудят ее запредельные трели
колченогих пьянчуг.

III

Крючья барок... закатов бурлацкая сага...
астраханский калым...
Уж давно распрямился в земле бедолага.
Только розовый дым
над избой от воздушных колеблется сшибок...
Водянистый чаек.
Да в рубиновой чашечке, ранен и зыбок,
у икон огонек.
Еле видно повязку на распятом теле,
Богородичный лик.
Да к оконцу зеленые травы метели
прирастают впритык.

IV

...Что косишься на черствый ломоть, привереда?
Отвечай по суду.
Где-то тут твоего и ограбили деда
в тридцать пятом году.
Расспросить бы хозяйку про это убийство,
кто гулял в эти дни.
Да боюсь, что повсюду одно кровопийство
и убийцы — одни.
Больно пресен замес у ее каравая,
больно соль солона.
И бесшумное небо до дна освещаая,
индевет луна.

V

...Да и сколько с тех пор испеклось, затерялось
в голубиных снегах!
Может быть, на земле никого не осталось.
На родных берегах
только я да старуха с сухими руками,
потускневшим кольцом.
Вот и будем чаевничать с нею веками,
молодея лицом,

коротая деньки, как во время осады
этих гибельных мест,
да глядеть на багряные стигмы лампы,
окаймившие Крест.

11.II.1978

АПРЕЛЬ-79

Евг. Попову

Пространства России весной похожи на свалку
на тлеющем ворсе холмов бархатисто-облезлых.
Грачи с вороньем, сатаняя, ведут перепалку.
И мертвые твари лежат у полотен железных,

как будто закланные ветхим суровым законом
за русскую зиму — к седмице Страстной,
но бесстрастной:
ни ночью, ни утром не слышно пасхального звона.
Лишь ветер ворует окурок у девицы красной,

в чьей зябкой головке недавнее грехопадение
едва заживляет надежда на встречу кого-то,
кто б, кроме достатка, и нежность имел и терпенье.
Апрельского леса еще холодна позолота.

...И мнится, что осенью снова просить у Канады
удачливой хлеб — за колымский червонец, вестимо,
раз мерзлой земле и теперь не хватает лопаты.
— Приходится ломом, — пенял на погосте детина.

Крупница любви прободала болящую душу.
И в горле першит от Отечества сладкого дыма...
Схватить бы за горло наевшего брюхо чинушу
и спрятаться в поезд, идущий до нежного Крыма!

1979

II

* * *

Сын, мужавший за семью замками
от моих речей,
все равно когда-нибудь глазами,
честный книгочей,
пробежишь хоть по диагонали
эти горбыли —
жидкие парижские скрижали
бати на мели,
писанные, точно бороною,
шедшей пѳд углом,
кто там вспомнит, под какой звездою
за каким столом...

Но когда полакомит пороша
горку и межу,
высохшее сердце потревожа,
землю, где лежу,
и упруго в крест ударит ветер,
я пойму, что так
ты впервой увидел и приветил
мой словесный знак.

Словно ветка выделила иней
из себя самой.
Потому, чем дольше — тем чужбинней
праху под сырой.

13.X.1983

* * *

Моя стезя, не столь жестокая,
как ей положено по чину,
планида ровная, убогая,
с всегда попутным ветром в спину...

Как оживающая в озере
плотвица с рваною губою
или трепещущий по осени
клочок осины над тобою,

как в ласте клена перепончатой
крепь сухожилия сурова,
так и моя судьба не кончена,
хоть вервие ее багрово.

Как в пору темную, мятежную,
раскатанную до молекул,
впрок собирают крупку снежную,
а не мучную по сусекам,

как обо мне воспоминание
в помехах, бьющих в цель и мимо,
так и мое незабывание
скорее с забытьем сравнимо.

Прощай! Какая сила встречающая
у шестибуквенного кода.
Обрывная и бесконечная
в него заложена свобода.

. . . . .

Пред тем, как будем смертью скручены
или уличены в повторе,
какие токи и излучины
осолонит и примет море?

Рассыпалась ли безымянная
твоя в одесской душегубке
та бабочка, из шелка тканная
на чесуче широкой юбки,

несут ли волны византийские
разграбленных святынь обломки,
как встарь, на скалы киммерийские
в холодноватые потемки,

и все ли слышимы уключины
на рубежах с иного краю,
где были столькие замучены
и не воскрешены, не знаю.

1.X.1986

ОСЕНЬ В СКИФИИ (1976 год)

...Где Овидий, завидев, спешит из сторожки,
лавровишней венчанный бедняк,

        для кормежки
блудных пляжных собак,
наклоня повинно плешивое темя,
словно тем признаваясь легко,
что и в старческой темени скудное семя
ищет, где глубоко,

кто-то выпотрошил содержимое грозных
присмиривших валов:
с перламутром толченым ракушечник слезный
вместе ждут холодов.

Сколько нежности в том, что уже потеряло
право быть на виду,
испарилось, пропало
в баснословном году!

...Словно рядом стрекочет размытая лента,
уходя в пустоту,

        и латентно
в темноте на свету
вижу пригоршни позеленевшей монеты,
тот кувшин, что распили вдвоем...

Драгоценная, где ты?
И Боспорского царства поделки — браслеты
всё ль тусклы на запястье твоём?

1987

С ЮГА НА СЕВЕР

*Снега забытых деревень,
Неволей выжженные степи.*

И. А.

1

Даром во мне
говорящий проснулся скворец,
словно в окне,
за которое смотрит слепец,
снова бледна
квадратура горы голубой
и вплетена
ночью роза в калитку домой.

Вспомни опять,
как валун гробовой отвали,
каждую пядь
из-под ног уходившей земли
мерой с версту,
где когда-то бровастый дебил,
с кашей во рту
не справляясь, последних споил.

Стиснутым ртом
заглотнуть бы волну ковыля.
С крымским хребтом
перебитым родная земля
— до Соловок
с их железною данью камням,
и на совок
ты уже не расщедришься нам.

В раковины заложена
 памятная музыка
 волн, шелестящих в крошечке
 яшмы и сердолика,
 хоры и песнопения
 гарпий, сирен, эриний,
 майского шелест тления
 и соболиных пиний.

А в роговицы вкраплены
 росы и брызги с весел,
 гнавших волну к ослабленным
 остовам скрипких сосен.
 Огненная на северо-
 западе головешка.
 Где ни шмеля, ни клевера,
 там и моя ночлежка.

Ныне планида ровная,
 музыка безусловная,
 ежели не рехнёшься,

выйдя в пространство тесное,
 новое, нежно-пресное,
 в нем и самосожжешься.

Серый мираж
 одного из открытых миров:
 крашенных барж
 и комичных напряг катеров.
 Маленький галл,
 ошкетинивший ежик волос,
 с красным бокал
 на серебряном блюде принес.

Что ж... Помянуть
 не мешает не эдак, дак так
 ветер по грудь,
 над которым алмазный наждак,
 валенок гниль
 и кровавый лишайник в пазу.

Как там ковыль
шелков,
к морю гонимый в грозу?

Гадко сладка
была жизнь, как и должно
родной,
издалека
призываемой дудкой немой.
Но не ропщу,
ибо счастлив и словом зачат.
Но не пущу,
если понову в дверь постучат.

март 1986

КАК ПО ЛЕТНОМУ ПОЛЮ

А. К.

Как по летному полю
с травой под зеленой сетью,
память водит лучом
несгибаемым по лихолетью,

выбирая из тьмы
то волны мертворожденной всплески,
то синицу в обобранном
полном тоски перелеске.

Словно шанежку съел
на архангельском тощем базаре
и вконец забурел,
примостясь с папироской на таре.

В настоящей тюрьме
эдак только и грезят о воле,
переметной суме,
Роще Марьиной, Девичьем Поле...

Приведет ли Господь
поудить, поохотиться в сонных
камышках наступательных
около стен оборонных

перед тем рубежом,
где, не дав отдышаться доньне,
полоснула ножом
зорька росная по горловине.

7.IX.1985

* * *

Словно в мороз миры,
видел я блеск пугливый
елочной мишуры
и засыпал счастливый.
То-то теперь в моей
памяти, сердце, жилах
вымершие целей,
чем костяки в могилах.

1989

* * *

А. Солженицыну

Клейменный сорок седьмым
и посейчас глотаю
тот же взвихренный дым,
стелющийся по краю
родины и тылам,
точно еще под током
и паутина там
в красном углу убогом.

Помню, как мандарин
пах в января начале.
Чайки с прибрежных льдин
наперебой кричали:
— Не оступись! — Мальцу
в валенках до коленок.
А через улицу
Прямо от нас — застенек.

Но ничего не знал
я, оседлав салазки.

Ветер в ушах свистал
вместо отцовской ласки.
А по путям вдали
в зоны
лязгая, тихо шли
темные эшелоны.

ТВОЕ МОЛЧАНИЕ

Твое молчание... оно, что правый клирос,
но в будний день.
Мерещится, я с ним и вырос
в соседстве деревень
и рощ обтрепанных, ссыпающих багрянец
с сырых ветвей,
где стала пахота тверда, как сланец,
и вместе с ней
сердца затихшие податливей с испугу.
Бесслезные глаза,
равнооткрытые и недругу, и другу,
разжалобить нельзя.

Твое молчание... оно подобно снегу,
сравнявшему за час
холмы с болотами. Лишь ночь дала ночлегу
в окно алмаз,
погасший сразу же. Должно быть, там закрыли
в печи угар
и пшенку кислую, оставшиеся в силе
еще с татар.
Я с этой целиной, наполненной до края,
решил вперед брести,
твердя известное, как некий, дорогая,
одрахший Филипок, что, в школу поспешая,
всегда в пути.

1982

* * *

И. П.

Письма с Родины — страшное дело!
Просит каждую Божию ночь

всё там — от густоты до пробела —
что-то сделать и как-то помочь.

Что свечу к потемневшему лику,
в непривычно окрепшей горсти
время краденой ряби толику
в снеговую пустыню нести.

...Да, мы видели пинии Рима,
честно слепли в альпийском огне,
по весне в абрикосовом дыме
удавалось беспамятство мне,

но чем выше наводят границу,
тем бессоннее тянет опять,
обратясь пепелищною птицей,
над чащобным пределом летать,

где еще не остыли могилы
победителей-узников, и
до родин подытожены силы,
слабокрылые силы мои.

1985

СУДЬБА СТИХА — МИРОДЕРЖАВНАЯ...

Судьба стиха — миродержавная,
хотя его столбец и краток,
коль в тайное помимо явного
заложен призрачный остаток.

Нерукотворное содеется
и до конца не дастся в руки,
спасется — не уразумеется
ни встреченное, ни в разлуке.

Казалось бы, давно за скобками
судьбы — Отечество и вера
в орла с змеиными головками,
как всякая земная мера,

ан, с вьюгою разноголосю
скольжение по тропе неровной,
что танец с голубоволосою
Елизаветою Петровной.

...Когда и тайное и явное
в силке забьются шелкокрыло,
на воле уцелеет — главное,
чья неопределимость — сила.

Участники того тревожного
дворцового переворота —
мы, алчущие невозможного
ползка, броска и перелета.

31.XII.1987

* * *

Наконец-то светла
ночь от снега, как было когда-то!
В стольном граде Петра,
где и страшно, и свято,
помнишь, у фонарей
от метро мне рукой помахала?
Полыхал эмпирей
в коммуналке того ареала,
где уже собрались
на паях почитать декаденты
ну и — поднабрались,
а менты ворвались
проверять документы.

Проскользнув в коридор,
мы бежали чухонской столицей.
Как всегда командор
галопировал вслед меднолицый.
Там в каморке с лепным
потолком и оплывшим огарком
отравляющий дым
табака и — последним подарком —
сладкий шепот «забудь»,
долгий треп на задворках Европы,
с темной крапиной грудь
и семитская грусть антилопы.

Душу мог обрести
потерявший ее с полуслова —
столько в тонкой кости
твоей холода было и зова.

Знать, надир и зенит
на оси поменялись местами.
Лезет лед на гранит
под разъятыми на ночь мостами.
И блуждает спираль
вьюги; если пустыня — Расея,
дорогая, едва ль
дозовемся теперь Моисея,
мимо сфинксов не раз
по косе меж двумя берегами
выводившего нас —
на продутую стрелку ветрами.

28.II.1988

* * *

В достоевском Павловске когда-то,
с окунем карась,
на скамье шептались воровато
злой купец и князь.
И нездешние, казалось, силы
здешних мест
узкотелы и ширококрылы
прятались окрест.
Не стемнев как следует, светало.
Рысаков и кляч
не видать на трассе от *воксала*
до шале и дач.
Скоро, скоро огласит вожатый
трелями перрон,
приглашая тряский небогатый
занимать вагон.
И еще милее *неживая*
станет, чем досель.
Запеклась под грудью ножевая
маленькая щель.

Вихорь времени едва шевелит
мой вихорь.
Сердце жмется и еще не верит
до сих пор,
что вполне внезапная разлука
с тем со всем
дорогим, не самым высшим кругом
насовсем.

И шепчу, прикрыв ладонью книгу
теплую сейчас:
Отче — Федору архистратигу —
помолись за нас.
Что-то есть в припадочной России,
если не святой,
сродное твоей эпилепсии,
Дух одной шестой.
Там пространство белыми ночами
зелено в тени,
словно оперенье за плечами.
Помяни!

1988

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В укусе пламя жемчужное
— солнце варяжское, вьюжное
в пору затмения.
Площадь с трусящей волчицею.
И над безлюдной столицей
райское пение.

Дома! Взбегу-ка по лестнице
к милой (и славно, что в плесени
ручка дверная),
забарабаню костяшками,
как там у ней под рубашкою
крестик, гадая.

В лампы с фарфоровым парусом
и потускневшим стеклярусом
круге зеленом—
дай, словно маленький, силу испробую,
сжав в затупившихся щипчиках с пробую
сахар пиленный.

Память — река с ледяными заторами,
если уехал — тони под которыми
впредь до подъема
в знобкое утро Второго пришествия
с преданным привкусом счастья и бедствия,
стало быть, дома.

Стекла с крупичами.
Кладбище с птицами
за снегопадом
с ветками липкими,
тропами скрипкими.
Родина рядом.

3.1 1986

* * *

И. Б.

Систола — сжатие полунапрасное
гонит из красного красное в красное.
...Словно шинель на шелку,
льнет, простужая, имперское — к женскому
около Спаса, что к Преображенскому
так и приписан полку.

Мы ль предадим наши ночи болотные,
склепы гранитные, гульбища ротные,
плацы, где сякнут ветра,
понову копать вдыхая угарную,
мы ль не помянем сухую столярную
стружку владыки Петра?

Мы ль... Но забудь эту присказку мыльную.
Ты ль позабудешь про сторону тыльную
дерева, где воронье?
Нам умирать на Васильевской линии! —
отогревая тряпицами в инее
певчее зеву свое.

Ведь не тобою ли прямо обещаны
были асфальта сетчатые трещины,
переведенные с карт?
Но воевавший за слово сипатое
вновь подниму я лицо бородатое
на посрамленный штандарт.

Белое — это полосы под кольцами,
это когда пацаны добровольцами,
это — когда никого
нет пред открытыми Богу божницами,
ибо все белые с белыми лицами
за спину стали Его.

Синее — это когда пригнетаются
беженцы к берегу, бредят и маются
у византийских камней,
годных еще на могильник в Галлиполи,
синее — наше, а птицы мы, рыбы ли,
это не важно, ей-ей.

Друг, я спрошу тебя самое главное:
ежели прежнее все — неисправное,
что же нас ждет впереди?
Скажешь, мол, дело известное, ясное.
Красное — это из красного в красное
в стынувшей честно груди.

1986

СОДЕРЖАНИЕ

I

«Россия, ты моя!..»	3
«Для московских ребят заготовлена властью присяга...»	3
Встреча	4
«...На шипастые кроны уселись грачи...»	5
Элегия	5
Лесник	6
«То реквиемом, то Осанной...»	7
«Потемневшая пижма, осенними сроками...»	8
«Подумать, сколько было вложено...»	9
Схизма нашей любви	10
«...Где призывно зовут, поднимаясь в дорогу...»	10
«Мы будем с тобой перед Богом чисты...»	10
«Черный лебедь сухо шуршит крылом...»	11
«...Я один пройду меж кусковских пихт...»	11
Цирк	12
Бобик	13
«Твердокаменный грецкий орех...»	13
Г. Тутаев (бывш. Романов-Борисоглебск), на Волге	14
Апрель-79	16

II

«Сын, мужавший за семью замками...»	17
«Моя стезя, не столь жестокая...»	18
Осень в Скифии (1976 год)	19
С юга на север	20
Как по летному полю	22
«Словно в мороз миры...»	23
«Клейменный сорок седьмым...»	23
Твое молчание	24
«Письма с Родины — страшное дело!..»	24

Судьба стиха — миродержавная...	25
«Наконец-то светла...»	26
«В достоевском Павловске когда-то...»	27
Возвращение	28
«Систола — сжатие полунапрасное...»	29

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Стихи

Редактор О. Н. Хлебников

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 17.05.90. Подписано к печати 12.06.90. А 00314. Формат 70 × 108^{1/32}.
 Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ л. 1,40 Усл.
 кр.-отт. 1,58 Уч.-изд. л. 1,49. Тираж 150 000 экз. Зак. № 2314. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типография имени В. И. Лени-
 на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● **Вы решили заняться индивидуальной трудовой деятельностью?** У Вас уже даже есть патент, приобретено оборудование, инструменты и сырье. Прекрасно! Теперь самое время застраховать это имущество на случай пожара, взрыва, стихийных явлений природы, проникновения воды из соседнего помещения, кражи и других неправомерных действий третьих лиц.

● **Страховой платеж составит всего 2%** от выбранной Вами суммы в пределах стоимости имущества.

● **Инспекции Госстраха ждут Вас.**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ СССР.

ПРАВЛЕНИЕ.